

В этих стихах, так же как и в части юношеской лирики и в ранней прозе — вплоть до незавершенного романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843—1848), — поэт не просто использует многообразные автобиографические мотивы и реалии в качестве «подсобного» литературного материала и даже создает на этой основе разработанную авторскую «мифологию».²⁸ Он последовательно и напряженно размышляет о том, каким трансформациям подвергает душу человеческую всеобъемлющая власть пошлости и рутины, о том, какими реальными или сверхреальными возможностями может обладать душа в борьбе с агрессией пошлости для отстаивания своей человечности.

Пережитый в середине 1850-х годов кризис лишь упрочил те духовные константы, которые исподволь уже вызревали в душе Некрасова как художника и мыслителя. То, что до 1857 года виделось ему проблематикой, обращенной «назад», к опыту, выстраданному его поколением, с момента возвращения на родину после целого года, проведенного за границей, вдруг обернулось проблематикой, устремленной «в будущее».

Теперь, когда «такое время наступило», когда уже «не должно спать», готовы ли оказались те, кто «вынес на себе то время роковое», «проснуться» и «громить пороки смело» (Т. 2. С. 6)? Увы, они — «герои слова, а на деле — дети!» Пусть «не предали они — они устали Свой крест нести», «покинул их дух Гнева и Печали На полпути...» (Т. 3. С. 18). Таков результат их («больных детей больного века») примирения с миром пошлости, такова плата «отцов» за рутинно прожитую жизнь и личная вина перед поколением собственных «детей»! Неудивительно, что центральным авторефлексивным замыслом Некрасова, нашедшим лишь частичное воплощение в «эпilogе ненаписанной поэмы», получившем название «Несчастные» (1856), в двух отрывках из поэмы о Валежникове («На Волге» и «Рыцарь на час», 1860, 1862), в недописанной «лирической комедии» «Медвежья охота» (1866—1867) и поздних «малых поэмах» «Уныние» и «Горе старого Наума» (1874), стал так и не получивший завершения стихотворный роман о герое «времени, скупого на героя».

Ряд других некрасовских текстов (поэмы «Саша» и «Тишина», 1855, 1857; отрывки «Начало поэмы» и «Возвращение», 1864), упоминавшаяся «покаянная» лирика Некрасова во многом проясняют сокровенный замысел ненаписанного стихотворного романа. Некрасовский герой определенно противостоит господам вроде «книжного умника» Агарина, героя стихотворения «Самодовольных болтунов...» и подобным им. Он восхищается героическим служением Белинского и Грановского, Добролюбова и Чернышевского, Шевченко и Писарева, надеется на такую молодежь, как Саша, жаждет уйти «в стан погибающих за великое дело любви». И он же казнит себя за то, что ему «свершить ничего не дано», что он не находит в себе сил исполнить желаемое, что на нем «года гнетущих впечатлений оставили неизгладимый след», что, «жизнь любя, к ее минутным благам прикованный привычкой и средой» он «к цели шел колеблющимся шагом» и «для нее не жертвовал собой». Честный «не герой». Излишне «разумный» идеалист. Человек сильного духа, мощной воли, но — для жизни, а не для высокой жертвы! Раб «рутины», мечтающий о подвижничестве.

Некрасовский анализ души современного порядочного «не героя» усложняется еще и тем, что поэт не просто сталкивает «сломившихся под

²⁸ Данный аспект серьезно проработан в магистерской диссертации Т. Ж. Хакимовой (Калининой) «Некрасовская беллетристика (1840—1855): личностный духовный опыт писателя и типология способов и форм его художественного воплощения в литературном тексте», выполненной в ЯГПУ имени К. Д. Ушинского под моим руководством в 2001 году.